

Сыскные подвиги Тома Сойера. Том Сойер за границей (сборник)

Автор:

[Марк Твен](#)

Сыскные подвиги Тома Сойера. Том Сойер за границей (сборник)

Марк Твен

Книги Марка Твена, повествующие о приключениях Тома Сойера и его друзей, открывают для читателя мир настоящей отваги, истинной дружбы и любви к жизни, которой наделены натуры незаурядные. В «Сыскных подвигах Тома Сойера» Том со своим другом Геком раскрывают страшное преступление, совершенное на берегах реки Миссисипи. Однако чувства и поступки в вымышленном литературном мире самые что ни на есть настоящие – мальчишеская доблесть и отвага, сообразительность, находчивость и дружба. А в повести «Том Сойер за границей» писатель отправляет своих героев в путешествие на воздушном шаре через пустыню Сахару. Там друзьям предстоит попасть в песчаную бурю и даже встретиться со стаей львов...

Маленькие герои, предаваясь простым радостям детства, творят наравне со взрослыми: «уличный мальчишка, превосходящий своего товарища в играх, извлекает из своего таланта столько же радости и так же старательно его развивает, как скульптор, художник, музыкант, математик и все прочие», – писал Марк Твен. В этой отнюдь не легкомысленной игре закладываются лучшие человеческие качества будущих взрослых.

Марк Твен

Сыскные подвиги Тома Сойера. Том Сойер за границей

Сыскные подвиги Тома Сойера

Глава I

Это было на следующую весну после того, как я и Том Сойер освободили нашего старого негра Джима, который был прикован к цепи, за попытку к бегству, на ферме дяди Сайльса в Аркенсю. Морозы ослабели, воздух становился теплее, все ближе и ближе придвигалось лето. Мальчикам, какими мы были тогда с Томом, бывает особенно грустно в такое время. Беспричинная тоска давит грудь, и невольно вздыхаешь, сам не зная о чем. Хочется уйти куда-нибудь в пустынное место, на вершину горы, на опушку леса, – сидеть там и смотреть, как Миссисипи разливается широко и струится вдаль на целые мили, огибая лес, туманный и далекий, и все вокруг так тихо, так безмолвно, что вам начинает казаться, будто все, что вы любили, умерло, и сами вы умерли, и все давно прошло, все забыто и кончено навеки.

Знаете ли вы, что это за чувство? Это весенняя горячка. Вот как оно называется. И когда вас охватила эта горячка, вы хотите – о, вы сами не знаете, чего вы хотите, но ваше сердце болит, и вы стремитесь куда-то! Вам страстно хочется уйти куда-нибудь, избавиться от старой, томительной, наскучившей вам обстановки, увидеть что-нибудь незнакомое, новое. Эта мысль не дает вам покоя. Вам хочется идти, сделаться путником, скитальцем; вам хочется видеть чужие страны, где все так таинственно, так удивительно, так романтично. И если вы не можете исполнить этого желания, вы согласны и на меньшее: вы готовы идти хоть куда-нибудь, лишь бы уйти подальше отсюда.

Вот такой-то весенней горячкой заболели и мы с Томом Сойером, и заболели очень опасно. Но Тому нечего было и думать о путешествиях; он говорил, что его тетка Полли очень ясно дала ему понять, что ни в каком случае не допустит, чтобы он бросил школу и отправился бродяжничать. Однажды мы сидели на ступеньках крыльца в довольно мрачном настроении, когда вдруг из дома

выходит тетка Полли с письмом в руке и говорит:

– Том, тебе надо уложить свои вещи и отправляться в Аркенсю – твоя тетка Салли просит тебя приехать.

Я чуть не подпрыгнул на месте от радости. Я думал, что Том бросится к тетке на шею и задушит ее поцелуями, а он – вы только подумайте! – сидит себе неподвижно, как скала, и хоть бы слово сказал. Я просто готов был заплакать от досады, что он поступает так глупо и не пользуется счастливым случаем. Ведь все могло быть потеряно из-за того, что он не выразил словами своей признательности и радости. Но он продолжал сидеть молча и думать о чем-то без конца, пока я в отчаянии уже не знал, что и делать; наконец, Том, подумав, сказал с самым убийственным хладнокровием:

– Тетя Полли, мне ужасно жаль, но я надеюсь, что тетя Салли извинит меня, если я не исполню ее просьбы.

Тетя Полли до того была поражена этим неожиданным ответом, что в течение нескольких секунд не могла произнести ни слова, и это дало мне возможность толкнуть Тома локтем и шепнуть ему:

– Что ты, с ума сошел, что ли! Не воспользоваться таким превосходным случаем!

Том, нимало не теряя своего хладнокровия, отвечал мне, тоже шепотом:

– Гек Финн, уж не хочешь ли ты, чтобы я показал ей, насколько я рад ехать? Она тотчас же стала бы сомневаться, раздумывать, воображать тысячи болезней, опасностей и препятствий для этой поездки, и не успел бы я оглянуться, как она запретила бы мне ехать. Не мешай мне, я знаю, как с нею обращаться.

Ничего подобного никогда не пришло бы мне в голову. Но Том был прав. Том Сойер всегда был прав – всегда благоразумный, находчивый, готовый на все: каждый мог на него положиться во всем, за это я ручаюсь. Тем временем тетя

Полли пришла в себя и накинулась на Тома:

– Тебя извинить! Скажите, пожалуйста! Нет, право, я ничего подобного за всю мою жизнь не слыхала. Каким тоном разговаривает со мной этот мальчишка! Сейчас же иди укладывать свои вещи, и если я услышу хоть одно слово насчет извинения, я покажу тебе такие извинения, что ты их долго будешь помнить.

Она в заключение стукнула Тома по голове своим наперстком, и мы проскользнули мимо нее на лестницу, причем Том сделал вид, будто хнычет. Очутившись наверху, в своей комнате, Том кинулся ко мне на шею и был вне себя от радости, что едет путешествовать.

– Прежде чем мы уедем, она станет жалеть, что заставила меня ехать, но ей уже нельзя будет взять назад своего слова. После того, что она сказала, гордость не позволит ей уступить.

Том уложил свои вещи за десять минут, остальное должны были уложить ему тетя Полли и кузина Мэри; потом он подождал еще десять минут, чтобы тетка успокоилась и стала доброй и ласковой, как прежде, так как Том говорил, что для успокоения его тетки требовалось десять минут. После этого мы спустились вниз, сильно желая узнать содержание письма тети Салли.

Тетя Полли сидела внизу, глубоко задумавшись; письмо лежало у нее на коленях. Когда мы сели, она начала:

– У них большие неприятности и огорчения, и они думают, что ты с Геком придумаешь что-нибудь и поможешь им. У дяди Сайльса есть сосед, по имени Брэс Дунлап. Этот Брэс Дунлап уже месяца три как вздумал свататься за Бенни. Дядя Сайльс, наконец, объявил ему раз и навсегда, что не отдаст за него Бенни. Тогда Брэс, из мести, всячески стал досаждать ему. Я полагаю, что Брэс, должно быть, важный человек в той стороне, потому что дядя Сайльс, по-видимому, не хочет ссориться с ним и, чтобы как-нибудь его умилостивить, взял даже его брата работником к себе на ферму, когда ему никакого работника не надо и тяжело платить жалованье лишнему человеку. Кто такие эти Дунлапы, Том?

– Они живут, тетя Полли, около мили от фермы дяди Сайльса, – в тех местах, все фермы отдалены друг от друга на расстоянии целой мили, – и Брэс Дунлап считается самым богатым фермером. Ему тридцать шесть лет; он вдовец,

бездетный, чванится своими деньгами, притесняет бедных, и соседи боятся его. Мне кажется, он во ображал, что может выбирать себе любую невесту, стоит ему только захотеть, и, должно быть, ему было очень досадно, когда Бенни отказала ему. Ведь ей всего восемнадцать лет, и она такая милочка, такая хорошенькая, – вы ведь видели ее, тетя Полли. Бедный дядя Сайльс! Это очень жаль, что ему приходится ублажать Брэса Дунлапа и ради этого держать у себя на ферме ни к чему не пригодного Юпитера Дунлапа и платить ему жалованье из последних средств.

– Юпитер! Имя-то какое! Что это его вздумали так обозвать?

– Это прозвище. Я думаю, что его настоящее имя давно забыли. Теперь ему двадцать семь лет, и он получил это прозвище с тех пор, как в первый раз научился плавать. Учитель увидал у него на ноге, повыше колена, темное родимое пятно, величиной в десятицентовую монету, а вокруг четыре пятнышка поменьше, и сказал, что это Юпитер и его спутники; школьники нашли это забавным и стали звать его Юпитером; так это прозвище осталось за ним и до сих пор. Это высокий малый, ленивый и хитрый тихоня, довольно трусливый, но не злой, с длинными темными волосами, без бороды; он не имеет ни гроша за душой, так что Брэс держит его у себя из милости, дает ему носить свое старое платье и обращается с ним презрительно. У Юпитера есть брат-близнец.

– А тот брат каков?

– Точь-в-точь такой же, как Юпитер, если верить рассказам, – то есть был такой, потому что вот уже семь лет, как о нем ничего не слышно. Девятнадцати лет он попался на воровстве, и его посадили в тюрьму, но он бежал из тюрьмы куда-то на север. Первое время ходили слухи, что он грабил то здесь, то там, но уже много лет, как о нем ничего не слышно. Он, вероятно, умер. Так, по крайней мере, думают все.

– Как его зовут?

– Джек.

Некоторое время длилось молчание. Старушка задумалась. Наконец она проговорила:

– Главное, что более всего тревожит тетю Салли, это раздражение, до которого доводит Юпитер твоего дядю.

Том был поражен, я тоже. Том сказал:

– Раздражение? Дядя Сайльс раздражен? Праведное небо! Должно быть, вы шутите, тетя Полли. В первый раз слышу, что он может раздражаться.

– Юпитер приводит его в совершенную ярость, говорит тетя Салли, иногда доходит дело до того, что дядя Сайльс готов ударить этого человека.

– Тетя Полли, это просто невероятно! Ведь дядя Сайльс мухи не обидит.

– Ну, уж я не знаю, только тетя Салли очень встревожена. Она пишет, что дядя Сайльс стал точно другим человеком, и все из-за этой ссоры. А соседи начинают осуждать твоего дядю, обвиняют его во всем, потому что он, говорят, пастор и ему не пристало заводить ссоры. Тетя Салли пишет, что он и проповеди говорит неохотно, – так его измучило все это, – и прихожане становятся к нему холодней; он уже не пользуется таким влиянием на них, как прежде.

– Это очень странно! Ведь он всегда был такой добрый, ласковый, снисходительный, – ну, просто ангел, а не человек! Что такое приключилось с ним, как вы думаете?

Глава II

Нам повезло: мы успели застать пароход, направлявшийся в Луизиану, через Верхнюю и Нижнюю Миссисипи вплоть до фермы дяди Сайльса в Аркенсю, так что нам не было надобности пересаживаться в Сент-Луис.

На пароходе было почти пусто; кое-где сидели пассажиры, по большей части старые люди, отдельно друг от друга, и дремали безмятежно. Мы ехали уже четыре дня, но нам не было скучно. Разве могут скучать мальчишки, которые вырвались на свободу и едут путешествовать? С первого же дня мы догадались, что на пароходе есть больной и что он помещается в офицерской каюте, по

соседству с нашей, потому что лакеи всегда подавали туда кушанья. Между разговором мы спросили об этом, – то есть Том спросил, – и слуга ответил, что, действительно, там есть мужчина, но он не кажется ему больным.

– И он, в самом деле, вовсе не болен?

– Я не знаю; может быть, он был болен, но теперь поправился.

– Почему вы так думаете?

– Потому что, если бы он был болен, он, конечно, разделся бы и лежал в постели, не правда ли? А этот напротив. Он все время не снимал даже сапог.

– Вот так штука! И не ложился в постель?

– Нет.

Тома Сойера хлебом не корми, только подавай ему какую-нибудь тайну. Если бы вы положили перед нами на столе тайну и хороший пирог на выбор, мы не долго колебались бы. Моя натура такова, что я тотчас же взялся бы за пирог, а Том, напротив, ухватился бы за тайну. Натуры бывают различны. Том спросил у слуги:

– Как зовут этого человека?

– Филиппс.

– Откуда он едет?

– Кажется, он сел на пароход в Александрии.

– Как вы думаете, что он за птица?

– Не знаю, я совсем не думал об этом.

«Вот, – подумал я про себя, – еще один, который скорее возьмется за пирог, чем за тайну!»

– Есть в нем что-нибудь особенное? В его манерах или в разговоре?

– Ничего нет особенного, только кажется, что он чего-то боится, потому что держит свою дверь на замке и днем, и ночью, и, если к нему постучишь, он никогда не отворит двери сразу, а сначала посмотрит в щелку, чтобы узнать, кто к нему стучит.

– Клянусь богом, это интересно! Хотелось бы мне взглянуть на него. В следующий раз, как вы пойдете к нему, не можете ли вы отворить дверь пошире, и...

– Нет, этого никак нельзя! Он всегда стоит за дверью и сейчас же ее захлопнет.

– Слушайте. Вы дадите мне свой передник и позволите мне утром отнести ему завтрак в каюту.

Слуга сказал, что он согласен, если только буфетчик позволит это. Том взялся устроить это дело с буфетчиком и, действительно, устроил его. Нам было разрешено по очереди одевать передники и носить кушанья в каюту незнакомца.

Том почти не спал эту ночь, так его волновала тайна, окружавшая Филиппа; и всю ночь он старался разгадать эту тайну, но, конечно, его старания были безуспешны. А я, напротив, воспользовался случаем хорошенько поспать. Ведь все равно, сколько ни думай, мне не разгадать, что за штука этот Филипп, – говорил я себе, засыпая.

Хорошо. Утром мы, как только встали, надели передники, взяли в руки подносы, и Том постучал в дверь. Таинственный обитатель каюты посмотрел на нас в щелочку, потом впустил нас и тотчас же захлопнул за нами дверь. Когда мы только взглянули на него, клянусь богом, мы чуть не выронили подносы из рук, так мы были изумлены!

– Юпитер Дунлап, как вы сюда попали? – спросил Том.

Юпитер был поражен и, по-видимому, не знал – бояться ему или радоваться; краска вернулась ему на лицо, хотя сначала он сильно побледнел. Мы принялись

болтать о том, о сем, пока он ел свой завтрак. Поев, он сказал:

– Только я не Юпитер Дунлап. Я скажу вам, кто я такой, если вы поклянетесь молчать, потому что я не Филипс.

– Мы будем молчать, – сказал Том, – но только, если вы не Юпитер Дунлап, вам нет надобности объяснять нам, кто вы такой.

– Это почему же?

– А потому, если вы не он, так, значит, вы другой близнец – Джек. Вы настоящая копия Юпитера.

– Хорошо, не буду отказываться: я, действительно, Джек. Но только слушайте, ребята, каким это образом вы знаете Дунлапов?

Том рассказал ему наши приключения, происшедшие прошлым летом на ферме дяди Сайльса, и когда Джек увидел, что они нисколько не касаются ни его самого, ни его братьев, он сразу стал откровенным и разговорчивым. О себе, впрочем, он избегал говорить определенно; только сказал, что ему досталась суровая доля, и что он, может быть, худо кончит; что жизнь, которую он ведет, очень опасна и...

Тут он остановился и, открыв рот, затаил дыхание, как будто к чему-то прислушиваясь. Мы тоже не произносили ни слова, и несколько секунд было так тихо, что не слышалось ничего, кроме легкого скрипа деревянных частей парохода и шума машины внизу. Потом мы понемногу успокоили его, рассказывая ему про его братьев, и о том, как жена Брэса умерла три года назад, и как Брэн хотел жениться на Бенни, а она отказала ему, и как Юпитер служит на ферме у дяди Сайльса, и как он ссорится с дядей Сайльсом – так что, наконец, Джек совсем успокоился и начал смеяться.

– Боже мой! – сказал он. – Ваша болтовня напоминает мне доброе, старое время, и мне так приятно вас слушать. Уже более семи лет, как я ничего не слышал о родных. Что они думали обо мне все это время?

– Кто?

- Да все соседи и мои братья.

- Они совсем о вас не думали, вспоминали иногда, вот и все.

- Неужели? - сказал Джек, удивленный. - По чему же это так?

- А потому, что все считали вас мертвым давным-давно.

- Не может быть! Правду ли вы говорите? Дайте мне честное слово, что это правда, тогда поверю!

И он вскочил с места от волнения.

- Честное слово. Все уверены, что вы давно умерли.

- Тогда я спасен, я спасен, в этом нельзя сомневаться! Я вернусь домой. Они спрячут меня и спасут мне жизнь. Вы только молчите. Поклянитесь, что будете молчать, что никогда, никогда не предадите меня. О, мальчики! Сжальтесь над несчастным, которого преследуют днем и ночью, как затравленного зверя, так что он не смеет нигде показаться! Я никогда не сделал вам никакого зла и никогда не сделаю, именем Господа Всемогущего клянусь вам в этом! Поклянитесь же и вы, что сжалитесь надо мной и поможете мне спасти свою жизнь!

Мы согласились бы дать клятву, даже если бы он был не человек, а собака. Когда мы поклялись, бедный малый не знал, как выразить нам свою любовь и благодарность.

Мы продолжали разговаривать, а Джек тем временем достал небольшую дорожную сумку и стал открывать ее, попросив нас отвернуться и не смотреть. Мы исполнили его желание, а когда он сказал нам, что мы можем по-прежнему смотреть на него, он оказался до такой степени изменившимся, что невозможно было узнать его. Выпуклые синие очки закрывали его глаза, и у него каким-то чудом выросли самые натуральные темные бакенбарды и усы. Родная мать не узнала бы его. Он спросил нас, похож ли он теперь на своего брата Юпитера.

- Ни малейшего сходства, - отвечал Том, - за исключением длинных волос.

– Этому горю легко помочь, я остригу волосы под гребенку, прежде чем вернусь домой. Брэс и Юпитер сохранят мою тайну, и я буду жить у них, как посторонний человек, и соседи никогда меня не узнают. Что вы думаете насчет этого?

Том подумал немного и ответил:

– Мы с Геком, конечно, будем молчать, но и вам не лишнее придержать язык за зубами, иначе вы рискуете быть узнанным. Потому что, видите ли, если вы заговорите, все тотчас заметят, как похож ваш голос на голос Юпитера, и не наведет ли это их на мысль о том близнеце Джеке, которого считали умершим, но который отлично мог оставаться живым, скрываясь под чужим именем?

– Клянусь богом, вы очень сметливый мальчик! – вскричал Джек. – Вы совершенно правы. Я буду притворяться глухим и немым, когда вблизи будет кто-нибудь из соседей. Если бы я вернулся домой, позабыв об этой маленькой предосторожности... Впрочем, я ведь не думал возвращаться домой. Я просто хотел скрыться куда-нибудь от этих людей, которые преследуют меня; если бы мне удалось от них ускользнуть, я мог бы надеть фальшивые усы и бакенбарды, достать где-нибудь другое платье и...

Он вдруг одним прыжком очутился возле двери, приложил к ней ухо и стал слушать, бледный, задыхающийся. Затем он прошептал:

– Мне показалось, будто щелкнул курок. Боже, какую жизнь приходится мне вести!

Он упал в кресло, дрожа от волнения и страха, и принялся вытирать пот с лица.

Глава III

Начиная с этого времени мы были почти постоянно в его каюте, а ночью кто-нибудь из нас, поочередно, спал у него на верхней койке. Он говорил, что он совсем одинок и что для него большое утешение разговаривать с нами и чувствовать, что хоть кто-нибудь относится к нему с участием и разделяет его тревоги и беспокойство. Нам страшно хотелось узнать, в чем заключается тайна Джека и почему он скрывается, но Том сказал, что самый верный путь узнать тайну – это не выказывать ни малейшего любопытства; тогда Джек сам все расскажет; если же мы станем приставать к нему с вопросами, он сделается подозрительным и замкнется в себе. Всё так и случилось, как предполагал Том. Нетрудно было заметить, что Джеку сильно хочется поделиться с нами своей тайной, но каждый раз, когда мы приближались к этому вопросу, Джек начинал уклоняться от прямых объяснений и заговаривал о другом. Но наконец ему пришлось-таки исповедаться, и вот как это случилось. Между прочим, он спросил нас однажды довольно равнодушным тоном, какие пассажиры едут на палубе парохода. Мы сказали ему. Но он был не удовлетворен нашим ответом и попросил описать пассажиров более подробно. Том взялся за это. Наконец, когда он описывал самого грубого и оборванного из этих пассажиров, Джек задрожал, и у него вырвался вздох:

– О, боже мой, это один из них! – простонал он. – Они, значит, на пароходе, – я знал это! Я надеялся, что ускользнул от них, но не смел верить этому. Продолжайте.

Но едва Том начал описывать другого оборванца из числа палубных пассажиров, как Джек опять вздрогнул и прервал его:

– Это он, – это другой! Ах, если бы только настала хорошая, темная, бурная ночь, так, чтобы мне можно было незаметно сойти на берег! Видите ли, они следят за мной, и как только я сойду на берег, они сейчас же узнают об этом.

И не прошло нескольких минут, как он уже принялся нам рассказывать про себя.

– Это была ловкая игра, – начал он – Мы наметили себе один ювелирный магазин в Сент-Луисе. Нас очень интересовала там пара великолепных, огромных бриллиантов, величиной с орех, которыми все сбегались любоваться. Мы оделись самым шикарным образом и разыграли свое представление на глазах у всех при дневном свете. Мы попросили прислать бриллианты к нам в отель, чтобы мы могли лучше разглядеть их; когда же они были присланы, мы ловко заменили их поддельными камнями, которые были у нас приготовлены, и отослали их назад в

магазин вместо настоящих, сказав посланному, что бриллианты оказались недостаточно прозрачными и не стоят двенадцати тысяч долларов.

– Двенадцать тысяч долларов! – повторил Том. – Неужели они стоили этих денег, как вы думаете?

– Стоили до последнего цента.

– И вы бежали с этими бриллиантами?

– Само собой разумеется. Я думаю, в магазине еще не успели открыть нашу подделку, но все равно нам было опасно оставаться в Сент-Луисе, и мы сочли за лучшее бежать. Мы бросили жребий, какой стороны держаться, и вышло – Верхняя Миссисипи. Мы завернули бриллианты в бумагу, написали на ней свои имена и отдали этот сверток на хранение конторщику своего отеля, сказав ему, что он должен нам его возратить лишь тогда, когда мы все трое будем налицо, а не отдавать его кому-либо одному из нас. Покончив с этим, мы направились в город, но каждый отдельно, сам по себе, – потому, я думаю, что каждый из нас, вероятно, таил про себя одну и ту же мысль. Я не знаю этого наверное, но только думаю, что это так и есть.

– Какую мысль? – спросил Том.

– Ограбить товарищей.

– Как! Одному присвоить себе то, что украли все сообща?

– Именно.

Том был возмущен и сказал, что подлее и гнуснее этого поступка ничего нельзя себя представить. Но Джек Дунлап объяснил ему, что в их профессии такие вещи случались постоянно. Затем он продолжал рассказ:

– Видите ли, затруднение наше состояло в том, что никак нельзя разделить двух бриллиантов между тремя людьми. Если бы их было три... Но что толку говорить об этом, когда их было только два. Я кружил по глухим улицам города, думая и передумывая, как бы мне поступить. И я сказал себе, что при первом же удобном

случае стащу бриллианты, переоденусь в другое платье, изменю себе физиономию при помощи накладных бакенбард, и тогда пусть попробуют найти меня. Я купил синие очки, фальшивые бакенбарды, костюм для переодевания и, уложив эти вещи в сумку, направился домой. Проходя мимо одной мелочной лавки, я заметил там, к своему удивлению, фигуру одного из моих товарищей. Это был Бод Диксон. Я обрадовался этому случаю. Теперь, сказал я себе, я узнаю, голубчик, что ты покупаешь. Притаившись в тени, я стал следить. И что же, вы думаете, он покупал?

- Бакенбарды! - сказал я.

- Нет.

- Синие очки?

- Нет.

- Ах, замолчи, Гек Финн; ты только мешаешь ему рассказывать, - перебил меня Том с досадой. - Что же он покупал, Джек?

- Вы не угадали бы ни за что на свете. Он покупал отвертку, простую маленькую отвертку - и ничего больше.

- Вот так штука! Для чего же она ему понадобилась?

- Вот об этом-то я и подумал. Это было любопытно. Я просто недоумевал. Зачем ему понадобилась отвертка? - спрашивал я себя. - Как только он вышел из лавки, я спрятался, чтобы он меня не заметил, и выследил его до следующей лавки, где он купил красную фланелевую рубашку и другое старое платье, - то самое, в котором вы видели его здесь, на палубе, и описали мне. Свой мешок я спрятал на шлюпке, которую мы приготовили себе, чтобы подняться вверх по реке. После этого мы встретились в отеле, взяли у конторщика сверток с бриллиантами, сели в шлюпку и отправились в путь.

Никто из нас не решался заснуть; мы сторожили друг друга. Это было очень досадно, тем более, что несколько недель назад мы поссорились, и только благодаря этой истории с бриллиантами между нами произошло временное

примирение. Положение ухудшалось еще тем обстоятельством, что на троих приходилось два бриллианта. Сначала мы поужинали, потом стали прохаживаться по палубе и курить, пока не настали сумерки; тогда мы спустились в каюту, замкнули дверь, развернули сверток, чтобы посмотреть, целы ли бриллианты, положили их на нижнюю койку, чтобы они оставались на самом виду, и стали сторожить их, делая всевозможные усилия, чтобы не заснуть.

Наконец, Бод Диксон не выдержал. Как только он захрапел по-настоящему, опустив голову на грудь, Гель Клейтон кивнул мне сначала на бриллианты, а потом на дверь, и я понял. Я протянул руку и осторожно взял сверток; некоторое время мы стояли неподвижно, затаив дыхание; Бод не шевелился; я тихо и осторожно повернул ключ в дверях, нажал ручку, и мы вышли из каюты, так же тихо притворив за собою дверь.

Кругом не было слышно ни звука; шлюпка быстро и легко скользила по воде в туманном лунном свете. Не говоря ни слова, мы прямо пошли на верхнюю палубу. Мы оба знали, что это значит, без всяких объяснений. Бод Диксон проснется и, не найдя бриллиантов, отправится прямо сюда к нам, потому что этот человек ничего и никого не боялся, когда дело касалось денег. Если бы он пришел, мы или швырнули бы его через борт, или убили бы во время борьбы. Эта мысль бросала меня в дрожь, потому что я не так храбр, как другие, но я боялся выказать свою слабость перед Гелем Клейтоном. У меня теплилась надежда, что наше судно пристанет где-нибудь к берегу и мы успеем ускользнуть, избавившись, таким образом, от роковой встречи с Бодом Диксоном, которого я боялся до смерти; но эта надежда едва ли могла оправдаться, так как на нашем пути не предвиделось нигде остановок.

Мы продолжали сидеть, время проходило, а Бод Диксон и не думал появляться на палубе. Наконец стала занимать заря. «Черт возьми! – говорю я Гелю Клейтону. – Понимаешь ты тут что-нибудь? Это становится подозрительным!» «Разрази меня бог! – отвечал Гель Клейтон. – Уж не сыграл ли он с нами какой шуточки. Развернем-ка бумагу!» Я развернул бумагу, и что же вы думаете? В ней ничего не было, кроме двух маленьких кусочков сахара! Вот почему он так безмятежно храпел всю ночь в каюте. Ловко придумано? Уж ловчее ничего быть

не может! Он заготовил сверток, где вместо бриллиантов лежали два кусочка сахара, и незаметно поменял у нас под носом.

Мы чувствовали себя вполне одураченными. Но необходимо было выпутаться из затруднения, и мы составили план.

Мы решили завернуть кусочки сахара обратно в бумагу, затем потихоньку пробраться в каюту и положить сверток на прежнее место, как будто мы его не трогали и даже не подозреваем, что Бод хотел сыграть с нами шутку и теперь храпит себе преспокойно в полной уверенности, что провел нас. Мы решили также не оставлять его одного ни на одну минуту и в первый же вечер, как сойдем на берег, напоить его допьяна, обыскать его, найти бриллианты и затем прикончить его, если это можно будет сделать без риска. Прикончить его было необходимо, потому что в противном случае он сам постарался бы прикончить нас. Но я мало надеялся, что нам удастся найти бриллианты. Напоить его пьяным нетрудно – он всегда готов пить – но что толку из этого? Он, наверное, так сумел запрятать бриллианты, что мы будем его обыскивать целый год и все-таки ничего не найдем...

Но в эту самую минуту у меня вдруг захватило дыхание от одной мысли, блеснувшей в голове. Эта мысль пронзила мне мозг, ослепила меня, и сердце у меня всколыхнулось от радости! Как раз в это время я снял сапоги, чтобы дать отдых ногам, и, когда стал снова обуваться, взгляд мой нечаянно упал на каблук моего сапога. Вы помните, что я вам рассказывал насчет маленькой отвертки?

– Еще бы не помнить! – отвечал Том, до крайности заинтересованный и слушавший повествование с чрезвычайным вниманием.

– Ну, так вот, когда взгляд мой случайно упал на каблук, у меня вдруг блеснула мысль, что я знаю, где искать бриллианты! Взгляните на этот каблук. Видите, снизу он покрыт стальной пластинкой, которая привинчена маленькими винтиками. Значит, у Бода Диксона не было нигде винтиков за исключением его каблуков, и, значит, я легко мог догадаться теперь, для чего ему понадобилась отвертка.

– Гек, ну, разве это не ловкая шутка! – воскликнул Том.

– Ну вот, я надел опять сапоги, и мы тихонько спустились в каюту, положили бумагу с сахаром на прежнее место, а сами осторожно сели и стали слушать, как храпит Бод Диксон. Гель Клейтон очень скоро задремал, но я и не думал спать; я все время старался разглядеть украдкой из-под широких полей своей шляпы, не валяется ли где-нибудь на полу кусок кожи, вырезанный из середины каблука. Наконец мне удалось найти его, а вскоре после того и другую такую же вырезку из второго каблука, и я подумал про себя: теперь я знаю, где лежат бриллианты!

Подумайте только о хитрости и хладнокровии этого бездельника! Он придумал этот план, рассчитав заранее, как мы должны поступить, и мы все исполнили по его плану, точно два дурака. Он украдкой отвинтил пластинки от своих каблуков, выдолбил их в середине, положил туда бриллианты и снова завинтил пластинки. Он знал, что мы украдем подложный сверток и будем ждать его всю ночь на палубе, чтобы утопить его, когда он кинется к нам, и, клянусь богом, мы утопили бы его! Я нахожу, что это была чертовски ловкая шутка.

– О, еще бы! – сказал Том в восторге.

Глава IV

– Весь следующий день мы только и делали, что следили друг за другом, и могу вас уверить, что это очень скучное и тяжелое занятие. Вечером мы пристали к одному из маленьких миссурийских городов, поужинали и взяли себе маленькую спальню наверху, с одной койкой и одной двуспальной кроватью. Когда мы поднимались по лестнице, гуськом – впереди хозяин таверны, со свечой в руках, позади всех я, – мне удалось незаметно задвинуть свою сумку под стол в прихожей. Мы спросили себе виски, сели играть в карты, и как только виски начало действовать на Бода, мы перестали пить, а его все подпаивали. Наконец мы до того его нагрузили, что он свалился со стула и захрапел.

Теперь надо было приниматься за дело. Я сказал Гелю, что нам лучше снять сапоги, чтобы без всякого шума двигаться по комнате и затем хорошенько обыскать Бода. Так мы и сделали. Я поставил свои сапоги возле сапог Бода, чтобы не спутать их. Тогда мы раздели Бода, обыскали его карманы, носки, внутренность сапог, каждую складку его одежды, развязали даже узел с его вещами. Бриллиантов нигде не было. Нам попалась отвертка, и Гель сказал: «Как ты думаешь, зачем она ему понадобилась?» Я отвечал, что не знаю, но, как только он отвернулся, я спрятал отвертку в карман. Наконец Гель пришел в уныние и сказал, что лучше нам оставить это дело. Я только того и ждал.

- Есть одно место, - говорю я ему, - которого мы еще не обыскивали.

- Какое это место? - спросил он.

- Его желудок.

- Черт возьми, я и не подумал об этом! Но как же нам поступить теперь?

- А вот как, - говорю я, - посиди возле него, пока я наведаюсь в одно местечко, где надеюсь отыскать бриллианты.

Он вполне одобрил это и все время смотрел на меня, пока я быстро надевал сапоги Бода вместо своих, чего он совсем и не заметил. Они были только чуть-чуть велики мне, но это гораздо лучше, чем если бы они были малы. Я ощупью нашел свою сумку, когда пробирался в темноте через прихожую, а через минуту был уже на дороге и быстро шел вперед.

И я чувствовал себя очень недурно, зная, что в каблуках у меня скрыты драгоценности. Минут через пятнадцать я сказал себе: теперь меня отделяет от них целая миля, и все кругом спокойно. Прошло еще пять минут, и я сказал себе: теперь меня отделяет от них гораздо более мили, но позади меня остался человек, который теперь начинает чувствовать некоторое беспокойство. Еще пять минут, и я говорю себе: он очень встревожен теперь; он беспокойно ходит по комнате из угла в угол. Еще пять минут, и я говорю себе: позади меня осталось две с половиной мили, теперь он ужасно встревожен, он начинает догадываться. После сорока минут я сказал себе: теперь он уже знает, что дело неладно! Через пятьдесят я сказал: теперь он уже знает почти все. Он думает, что я нашел бриллианты в то время, как мы обыскивали Бода, и прикарманил их.

Теперь он кинулся в погоню за мной. Он станет отыскивать свежие следы на пыльной дороге, но они могут его повести вверх по течению реки точно так же, как и вниз.

В эту минуту я увидел человека, ехавшего мне навстречу, верхом на муле, и я, не подумав хорошенько, нырнул в кустарник. Всадник, поравнявшись со мной, остановился и стал поджидать меня, но не дождавшись, поехал дальше. Это был глупый поступок с моей стороны. Я возбуждал подозрение в этом человеке тем, что спрятался, а ведь он мог встретить Геля Клейтона.

На рассвете я добрался до Александрии, где стоял этот пароход, и очень обрадовался, потому что теперь я был в полной безопасности. День только что начинался. Я взобрался на пароход и занял эту каюту. С нетерпением стал я ждать отплытия парохода, но он все стоял, потому что, к несчастью, в нем испортилась какая-то машина и необходимо было ее исправить. Короче говоря, пароход не тронулся с места раньше полудня, и еще задолго до завтрака я закрылся в своей каюте, потому что увидел вдали человека, который шел к пристани и был так похож на Геля Клейтона, что я испугался. Я сказал себе: если только он узнает, что я на пароходе, он прихлопнет меня здесь, как мышь в западне. Он станет следить за мной и ждать, ждать, пока я сойду на берег, воображая, что он от меня за тысячу миль, и тогда он выследит меня, найдет в каком-нибудь укромном местечке, отнимет у меня бриллианты и потом... О, я знаю, что он сделает потом! Это ужасно, ужасно! А теперь еще и другой тоже оказался на пароходе. Ах, это очень тяжело, мальчики, очень тяжело! Но вы поможете мне спастись, не правда ли? О, мальчики! Пожалейте несчастного, которого преследуют затем, чтобы убить, спасите меня, и я готов буду целовать землю, по которой вы прошли!

Мы начали его успокаивать и сказали ему, что готовы употребить все средства, чтобы спасти его, и что ему незачем так бояться. Понемногу он успокоился, развинтил свои каблуки, вынул бриллианты и стал поворачивать их во все стороны, любуясь ими. Действительно, они были прекрасны, когда свет падал на них: они горели, переливались, из них сыпались искры, вырывались целые снопы лучей. Но я все же думал, что он большой дурак. Будь я на его месте, я отдал бы бриллианты этим бездельникам, чтобы избавиться от них и покончить все это дело. Но он был совсем иного мнения на этот счет. Для него бриллианты представляли целое состояние, и он ни за что не согласился бы отдать их.

Пароход за это время останавливался два раза и во второй раз довольно долго простоял вечером; но так как было недостаточно темно, то Джек не решился прыгнуть в воду, боясь, что его заметят. Наконец, третья остановка произошла при самых благоприятных условиях. Мы пристали к берегу у лесного двора, миль на сорок выше того места, где была ферма дяди Сайльса; был второй час ночи, темнота сгущалась, и в воздухе чувствовалась гроза. Скоро стал накрапывать дождь, подул сильный ветер. Джеку удалось незаметно соскочить с парохода, смешаться с толпой матросов. Увидев, как он мелькнул при свете факела и тотчас скрылся в темноте, мы вздохнули с облегчением. Но радость наша была непродолжительна. Вероятно, преследователи Джека узнали как-то об его исчезновении, потому что не прошло и десяти минут, как два каких-то человека стремглав кинулись с парохода, выбрались на берег и тоже исчезли в темноте. Мы ожидали до самого рассвета, что они вернуться, но они не вернулись. Это ужасно поразило и опечалило нас. Оставалось только надеяться, что они не найдут в темноте следов Джека и он успеет благополучно добраться до фермы своего брата.

Он собирался идти дорогой по берегу реки и просил нас, когда мы приедем к дяде Сайльсу, узнать, дома ли его братья Брэн и Юпитер и нет ли у них кого из посторонних людей. Он будет ждать нас на закате солнца, у небольшой группы сикомор, позади табачного поля дяди Сайльса, в очень уединенном месте, куда мы и придем украдкой, чтобы сообщить ему свои сведения.

Мы долго сидели и разговаривали, стараясь решить, удастся ли спастись Джеку. Том сказал, что если его преследователи пойдут вверх по реке, а не вниз, то он в безопасности, но это едва ли возможно, так как они, вероятно, знают, откуда он родом, и нападут на верный след. Скорее можно предполагать, что они будут целый день выслеживать ничего не подозревающего Джека, а затем, с наступлением темноты, убьют его и снимут с него сапоги. Все это сильно опечалило нас.

Лишь к вечеру остановился пароход у пристани, и так как солнце уже садилось, то мы прямо отправились скорым шагом на условленное место, близ группы сикомор, чтобы объяснить Джеку, что мы не успели еще побывать дома и что если он подождет нас под сикоморами, то мы через некоторое время придем к нему опять и сообщим все необходимые для него сведения. Уже начинало темнеть, когда мы повернули мимо леса и, задыхаясь от быстрого бега, направились к сикоморам, до которых оставалось еще ярдов тридцать; в эту самую минуту мы увидели, как двое людей кинулись в чащу сикомор, и оттуда послышались душераздирающие крики о помощи. «Бедный Джек, вероятно, убит», – сказали мы. Нас охватил такой ужас, что мы, не помня себя, кинулись бежать на табачное поле и спрятались там, дрожа как в лихорадке. Едва мы успели спрятаться, как мимо нас пробежали еще двое людей и скрылись под сикоморами, а через секунду оттуда выскочили все четверо и побежали по дороге – двое убийц впереди, а за ними вдогонку двое преследователей.

Мы продолжали лежать на земле, еле дыша от страха, и прислушивались, не раздастся ли еще крик, но ничего не слышали, кроме биения наших сердец. Мы думали о том, кто лежит теперь, неподвижный и страшный, там под сикоморами, и холод пробегал у меня по спине. Между тем луна поднялась с небосклона за группой темных деревьев, огромная, круглая, яркая, и стала смотреть на нас сквозь ветви, точно человеческое лицо, выглядывающее из-за решетки тюрьмы; а на земле, облитой лунным блеском, сгустились черные тени, и все было так ужасно спокойно, так тихо, так похоже на мрачное кладбище, что страх невольно проникал в сердце. Вдруг Том прошептал:

– Смотри! Что это такое?

– Не пугай меня, Том! – сказал я ему. – Ну, разве можно так внезапно пугать человека? Я и без того почти готов умереть от страха.

– Смотри, говорю тебе! Что-то выходит из-под сикомор.

– Ох, замолчи, Том!

– Оно ужасно высокое!

– О, боже, боже!..

- Тише! Оно идет сюда.

Он был так возбужден, что у него перехватило дыхание и он не мог говорить. Мне оставалось только посмотреть. Это было неизбежно. И вот мы оба, стоя на коленях и затаив дыхание, стали смотреть через плетень. Оно приближалось, двигаясь по дороге, под тенью деревьев, так что нельзя было ясно разглядеть его. Наконец, уже совсем приблизившись к нам, оно вдруг выступило на яркий лунный свет, и мы чуть не умерли от страха - это было привидение Джека Дунлапа. Мы оба сказали это себе тотчас же. Несколько минут мы не смели пошевелиться; привидение медленно прошло мимо нас и скрылось. Мы немного опомнились и стали перешептываться. Том сказал:

- Они по большей части бывают неясные, дымные, точно сделанные из тумана, а это было не такое.

- Да, - подтвердил я, - совсем не туманное. Я очень ясно разглядел и синие очки, и бакенбарды.

- И цвет его одежды - клетчатые брюки, зеленые с черным...

- Жилет из шерстяного бархата, огненно-красный с желтым...

- Кожаные штрипки, и одна из них висит незастегнутая...

- И эта шляпа...

- Действительно, странная шляпа для привидения!

Дело в том, что шляпы такого фасона тогда только что входили в моду - черные, с узкими полями и очень высокой тульей, суженной и закругленной к верхушке - точь-в-точь сахарная голова.

- А ты не заметил, Гек, волосы у него остались такие же, как прежде?

- Не заметил. Что-то ничего не помню насчет волос.

- Я тоже; но у него была сумка, это уж я хорошо заметил.

- Да, и я тоже видел сумку. А как ты думаешь, Том, бывают сумки-привидения?

- Вот вопрос! Ну, Гек Финн, на твоём месте я не был бы так невежествен. Разве ты не знаешь, что все вещи, составляющие собственность привидения, тоже принимают призрачную форму. У привидений бывают всякие вещи и платье, точно так же, как и у живых людей. Ведь ты видел, что на нём было платье, значит, оно тоже сделалось призрачным. Почему не могло случиться того же и с сумкой?

Эти замечания были основательны. Против них ничего нельзя было возразить. В это время на дороге показался Билль Уитерс и его брат Джо. Они разговаривали, и мы слышали, как Джо сказал:

- Как ты думаешь, что он такое тащил?

- Не знаю; только, верно, что-нибудь очень тяжелое.

- Да, видно, что тяжелое. Я думаю, что это негр украл мешок хлеба у старого пастора Сайльса.

- Я то же самое подумал и сделал вид, что не замечаю.

Они оба засмеялись и прошли мимо, так что мы уже не могли слышать их разговора. Но их слова ясно доказывали, насколько старый дядя Сайльс был теперь не популярен. Если бы негр украл хлеб у кого-нибудь другого, они не оставили бы этого безнаказанным.

Мы опять услышали говор приближающихся голосов, который становился все громче и громче и по временам прерывался смехом. Это были Лем Биб и Джим Лен. Джим Лен спрашивал у Лема Биба:

- Кто? Юпитер Дунлап?

- Да.

– Не знаю. Может быть, и так. Я видел, как он копал землю вместе с пастором, час тому назад, перед солнечным закатом. Он сказал, что сегодня никуда не пойдет и что мы можем взять его собаку, если нам нужно.

– Слишком утомился, я думаю.

– Еще бы не утомиться от такой работы!

Они захохотали и пошли дальше. Том сказал, что нам лучше всего идти следом за ними, потому что они направляются в ту же сторону, да и не особенно приятно идти одним, когда вы рискуете встретить привидение. Так мы и сделали и благополучно добрались до дома.

Это было вечером второго сентября, в субботу. Я никогда не забуду этого вечера. Вы скоро узнаете почему.

Глава VI

Мы шли все время за Джимом и Лемом, пока не достигли плетня, где стояла хижина старого негра Джима. Собаки кинулись к нам с радостным лаем и окружили нас; в доме светился огонь; нам нечего было теперь бояться. Оставалось войти во двор, но Том сказал:

– Стой! Посидим здесь минутку.

– В чем дело? – спросил я.

– А вот сейчас узнаем! – отвечал он. – Ты, конечно, думаешь, Гек, что мы первые расскажем сейчас дяде и тетке о том, кто лежит там убитый под сикоморами, и какие злодеи убили его, и как они стащили с убитого бриллианты, одним словом, расскажем все, чтобы нам досталась слава, как людям, которые прежде всех узнали об этом деле и могут рассказать о нем гораздо полнее, чем кто бы то ни был?

- Ну, конечно. И, разумеется, ты, Том, взялся бы рассказывать, потому что никто лучше тебя не сумеет сделать этого.

- Хорошо, Гек, - отвечал Том с невозмутимым спокойствием, - а что ты скажешь, если я объявлю тебе, что вовсе не намерен ничего рассказывать?

Я был поражен, услышав это, и отвечал:

- Скажу, что ты шутишь. Ты не можешь говорить этого серьезно, Том Сойер.

- Вот увидишь. Так было ли привидение с босыми ногами или в сапогах?

- В сапогах! Но что же из этого следует?

- погоди, ты скоро увидишь, что из этого следует. Так оно было в сапогах?

- Да. Я видел это совершенно ясно.

- Клянешься?

- Да, клянусь.

- И я клянусь. Знаешь ли ты, что это доказывает?

- Нет. Что может это доказывать?

- Это доказывает, что убийцы не взяли бриллиантов!

- Черт возьми! Почему ты так думаешь?

– Я не только думаю, но знаю это. Разве мы не видели на привидении синих очков, клетчатых брюк, бакенбард и даже сумку у него в руках? И если на нем были его сапоги, это доказывает, что они не были сняты с него убийцами, или я не знаю после этого, что такое называется доказательствами.

Только подумайте, что за голова была у этого мальчика! Ведь у меня тоже были и глаза, и соображение, но мне никогда не приходили в голову подобные мысли. У Тома Сойера была особенная натура. Когда Том взглянет на какую-нибудь вещь, она точно живая начинает ему рассказывать обо всем, как по-писаному. Я никогда не встречал такой головы, как у этого мальчика.

– Том Сойер, – сказал я ему, – много раз уже говорил я тебе и опять повторяю те же слова... Господь всемогущий создал нас всех. Его святая воля была – сделать одних слепыми, а другим дать такие глаза, что они видят все с первого взгляда. Но довольно об этом. Я вижу теперь ясно, что убийцы не взяли бриллиантов. Почему они их не взяли, как ты думаешь?

– Потому что они не успели снять сапог: за ними погнались двое людей, которые услышали крики и прибежали на помощь.

– Ну, конечно, так. Теперь я понимаю. Но, слушай, Том, почему же нам не рассказать об этом?

– Ах, бестолковый Гек Финн, неужели ты не понимаешь? Слушай, я расскажу тебе вперед, как будет идти все это. Утром начнется следствие. Те два свидетеля покажут, что, услышав крики, они бросились на помощь, но не успели спасти убитого. Судьи будут судить и обсуждать дело и наконец произнесут вердикт, что убитому нанесена смертельная рана каким-либо тупым или режущим орудием, а чьей рукой она нанесена – это неизвестно. После этого убитого схоронят, а его вещи продадут с аукциона, чтобы покрыть издержки на похороны, и вот тут-то представится для нас удобный случай.

– Какой случай, Том?

– Купить сапоги за два доллара!

У меня просто захватило дыхание.

– Клянусь богом, Том. Да ведь нам тогда достанутся бриллианты!

– Это уж наверно. За них, конечно, будет предложена большая награда: может быть, целая тысяча долларов. Это наши деньги! Так помни же, мы не знаем никакого убийства, никаких бриллиантов, никаких убийц, – не забывай этого.

Я тихонько вздохнул, видя, как он отнесся к этому вопросу. По-моему, выгоднее было бы продать бриллианты, – да, сэр, продать – за двенадцать тысяч долларов, чем ждать награды в одну тысячу долларов. Но я не сказал ничего. Мои слова не произвели бы никакого действия.

– А что ты ответишь тете Салли, Том, если она спросит, почему мы так запоздали? – спросил я.

– О, я предоставляю это тебе, – отвечал он. – Ты сумеешь как-нибудь выпутаться.

Он всегда был такой правдивый и деликатный, что, если приходилось лгать, он предоставлял это мне.

Мы перешли через большой двор, с радостью замечая то здесь, то там какой-нибудь знакомый предмет, а когда вступили в длинный, крытый проход, отделяющий двухэтажный корпус дома от той части, где находилась кухня, то оказалось, что по стенам висели те же самые вещи на прежних местах, включая даже старое выцветшее рабочее платье дяди Сайльса из зеленой байки, с капюшоном и белой заплатой между плечами, которая всегда имела такой вид, как будто кто-нибудь запустил дяде Сайльсу в спину большим комком снега. Тетя Салли была занята домашней стряпней, дети столпились в одном углу, а старый Сайльс в другом, – читал вечернюю молитву. Тетя Салли бросилась к нам, плача от радости, и стала обнимать, и целовать, и угощать легкими затрещинами, а потом снова переходила к поцелуям, и просто не знала, что делать от радости. Наконец она спросила:

– Где же вы до сих пор пропадали, бездельники? Я так беспокоилась о вас, просто не знала, что и думать. Раза четыре подогревала ужин, чтобы он был горячий к вашему приходу, и, наконец, мое терпение лопнуло, я готова была отдуть вас, как только вы явитесь. Вы, должно быть, с голоду умираете, бедняжки! Садитесь же, садитесь, не теряйте времени.

Приятно было сесть за стол и приняться за горячие свиные котлеты и свежий черный хлеб. Старый дядя Сайльс тоже сел за стол, закончив молитву и призвав на головы всех домочадцев небесное благословение, а я тем временем старался придумать, чем бы объяснить наш поздний приход. Когда наши тарелки были наполнены, тетя Салли повторила свой вопрос:

– Видите ли... мис... миссис... – начал я, запинаясь.

– Гек Финн! С каких это пор я стала для тебя миссис? Жалела ли я когда-нибудь для тебя тумачов и поцелуев с той минуты, когда ты впервые стоял в этой комнате, а я приняла тебя за Тома Сойера и благословляла Создателя за то, что он послал тебя мне, хотя ты успел тогда солгать мне четыре тысячи раз, а я всему верила, как дура? Зови меня тетей Салли, как ты всегда делал.

Я исполнил ее желание и затем продолжал:

– Ну, так вот мы с Томом решили пройтись пешком, подышать чистым воздухом лесов, и дорогой повстречали Лема Биба и Джима Лена. А те пригласили нас идти с ними – собирать ежевику сегодня, и сказали, что возьмут собаку у Юпитера Дунлапа, так как он сказал им, всего минуту назад...

– Где они могли видеть его? – прервал меня старый Сайльс, и когда я взглянул на него, удивленный тем, что он выказал недоверие по поводу таких пустяков, я заметил, что он был сильно взволнован. Его вопрос немного сбил меня с толку, но я оправился и отвечал ему:

– Они видели его, когда он копал землю вместе с вами, незадолго до заката солнца.

Он сказал только «гм!» с несколько разочарованным видом и не сделал более никаких замечаний. Я продолжал:

– Ну, так вот, как я уже говорил вам...

– Довольно, можешь не продолжать! – перебила меня тетя Салли. Она смотрела мне прямо в глаза и пылала негодованием. – Гек Финн, – заговорила она с угрозой, – каким это образом люди собираются идти за ежевикой в сентябре?

Я увидел, что промахнулся, и молчал, не зная, что сказать. Она подождала ответа, все еще продолжая смотреть на меня, и тогда заговорила снова:

– И каким это образом пришла им в голову идиотская мысль отправиться за ежевикой вечером?

– Видите ли, миссис, они... сказали... что возьмут фонарь, и...

– О, замолчи же, наконец! Отвечай мне: зачем им нужна была собака? Охотиться за ежевикой, что ли?

– Я думаю, миссис, что они...

– Ну, Том Сойер, послушаем теперь, какую ложь придумал ты, в дополнение к его вранью! Говори – и предупреждаю тебя заранее, что я не поверю ни одному слову. Ты и Гек Финн, наверное, были там, где вас вовсе не просили, я в этом уверена; я хорошо знаю вас обоих. Теперь объясни мне всю эту чушь насчет собаки, ежевики и фонаря, да смотри не увертывайся, слышишь?

Том, сильно уязвленный, отвечал ей с важностью:

– Очень жаль, что Геку пришлось выслушать столько оскорблений из-за пустой ошибки, которую всякий мог сделать.

– Какую же он сделал ошибку?

– Да только ту, что сказал: ежевика, когда надо было сказать – земляника.

– Том Сойер, если ты будешь продолжать бесить меня, то даю тебе слово, что я...

– Тетя Салли, вы жестоко заблуждаетесь, конечно, не подозревая этого. Если бы вы изучили как следует естественную историю, вы знали бы, что во всей вселенной, за исключением только Аркенсю, всегда охотятся за земляникой с собакой... и фонарем...

Но тут тетя Салли точно обезумела. Она накинулась на Тома с такой яростью, что слова вылетали из нее залпом, как выстрелы. Тому этого только и нужно

было. Он довел ее до вспышки, а затем спокойно предоставил ее гневу сгореть и утихнуть. И когда гнев тети Салли проходил, ей было так тяжело вспоминать о своей вспышке, что она не хотела уже слышать об этом ни слова. Так случилось и теперь. Когда она успокоилась и оправилась, Том заговорил совершенно невозмутимо:

– И все-таки, тетя Салли, я повторяю...

– Замолчи! – крикнула она. – Я не хочу тебя слушать.

Таким образом, вопрос этот был закрыт, и мы избавились от всяких объяснений. Том устроил это дело мастерски.

Глава VII

Бенни казалась несколько задумчивой, часто вздыхала; но вскоре она стала расспрашивать нас про Мэри, Сида и тетю Полли. Тетя Салли тоже повеселела и, в свою очередь, обратилась к нам с расспросами, постепенно успокаиваясь и становясь по-прежнему доброй и ласковой, так что ужин закончился весело и приятно. Но старый дядя Сайльс не принимал участия в разговоре; он казался встревоженным, его мысли были чем-то заняты. Он часто вздыхал, и сердце надрывалось при виде его грустного, озабоченного лица.

Вскоре после ужина пришел негр, постучал в дверь, просунул голову к нам в комнату и, держа в руке свою старую соломенную шляпу, стал неловко кланяться и топтаться на месте; наконец он объявил, что его послал сюда мастер Брэс за своим братом, которого он все время поджидал к ужину, и что он спрашивает у мастера Сайльса, не знает ли он, где его брат. Никогда не слышал я у дяди Сайльса такого резкого и сурового тона, каким он ответил негру:

– Разве я сторож, приставленный к его брату, чтобы смотреть за ним? – И тут ему как будто сделалось стыдно за свой резкий тон, и он добавил гораздо мягче, как будто сожалея, что сказал эти слова: – Не обижайтесь на меня, Билли; я раздражаюсь без всякой причины; мне нездоровится эти дни, и вы должны меня извинить. Скажите вашему мастеру Брэсу, что его брата нет здесь.

Когда негр ушел, дядя Сайльс встал с места и начал тревожно ходить по комнате взад и вперед, что-то шепча и бормоча про себя. Право, жаль было смотреть на него. Тетя Салли шепотом попросила нас не обращать на него внимания, потому что это его смущает. Она прибавила, что с тех пор как начались все эти неприятности, он все задумывается и задумывается, и она уверена, что в те минуты, когда на него находит эта задумчивость, он не вполне сознает, что делает или говорит; он чаще прежнего встает теперь ночью во сне и ходит по всему дому, а иногда выходит даже на двор, и в такое время не надо его будить или останавливать. Она прибавила еще, что только одна Бенни умеет с ним обращаться. Бенни знала, когда надо подойти к нему и успокоить его и когда надо оставить его одного.

Он продолжал таким образом ходить по комнате и бормотать, пока, наконец, не утомился. Тогда Бенни подошла к отцу, нежно прильнула к нему, взяла его за руку, а другой рукой обняла его за талию и стала ходить с ним вместе; он улыбнулся ей и, наклонившись, поцеловал ее; так, мало-помалу, тревога исчезла с его лица, и Бенни проводила его в спальню. Они были так нежны друг с другом, что приятно было смотреть на них.

Тетя Салли принялась укладывать детей спать; это была долгая и скучная история, а потому мы с Томом совершили маленькую прогулку при лунном свете – отправились на огород, выбрали спелый арбуз и съели его, беседуя все время о том, что занимало наши мысли. Том высказал предположение, что во всех этих ссорах виноват Юпитер и что он, Том, при первом же случае постарается убедиться в этом; если окажется, что его предположение справедливо, тогда он заставит дядю Сайльса прогнать Юпитера.

Таким образом мы беседовали, курили и угощались арбузом часа два, так что, когда мы вернулись домой, там было уже темно и все спали.

Том всегда замечал каждую мелочь; так и теперь он заметил, что старого зеленого платья дяди Сайльса нет на вешалке, а когда мы выходили из дома, оно висело здесь. Мы оба нашли это странным, а затем пошли в свою комнату и улеглись спать. Мы слышали, как Бенни ходила по своей комнате, которая была как раз возле нашей, и заключили из этого, что она очень тревожилась о своем отце, так что даже не могла спать. Нам тоже не спалось. Мы стали курить и разговаривать шепотом, чувствуя тоску и уныние. Убийство и привидение Джека, явившееся нам при лунном свете, были темой нашего разговора, и нами овладел такой страх, что мы совсем не могли уснуть.

Наконец, уже перед рассветом, Том толкнул меня и сказал шепотом, чтобы я выглянул в окно; когда я посмотрел, то увидел человека, который бродил по двору, точно сам не зная, что ему нужно; но было еще настолько темно, что мы не могли рассмотреть его. Вдруг он направился к плетню, и когда стал перелезать через него, лунный свет озарил фигуру этого человека, и мы увидели, что на плече он несет заступ, а на спине его старого рабочего платья белеет заплата.

– Он ходит во сне, – сказал Том. – Как жаль, что нельзя пойти за ним и посмотреть, куда он идет. Вот он повернул к табачному полю. Теперь его не видно. Ужасно жаль, что бедняга не знает покоя даже во сне.

Мы долго ждали, но он не вернулся или, может быть, вернулся другой дорогой, так что мы не заметили его. Наконец, измученные, мы уснули, и все время нам снились кошмары. Едва настало утро, как мы уже проснулись, потому что началась страшная гроза, гремел гром, сверкала молния; ветер гнул деревья до земли, повсюду струились и шумели дождевые потоки.

– Послушай, Гек, – начал Том, – я скажу тебе одну вещь, которая кажется мне чрезвычайно странной. До сих пор еще никто не знает про убийство Джека Дунлапа. Те двое людей, которые гнались за Гелем Клейтоном и Бодом Диксоном, могли в полчаса распространить это известие по всему округу от одной фермы до другой. Клянусь богом, такие истории случаются не каждый день. Гек, это ужасно странно, что никто еще ничего не знает; я не понимаю этого.

Том с нетерпением стал ожидать, когда прекратится дождь, чтобы можно было выйти из дома и узнать, не слышно ли чего-нибудь про убийство. Он сказал мне, что если мы встретим людей, которые сообщат нам, что Джек найден убитым под сикоморами, – мы должны притвориться, что очень испуганы и поражены этим.

Как только дождь прекратился, мы вышли из дома. Уже настал день, и мы, идя по дороге, встречали то одного, то другого из соседей, с каждым из них останавливались побеседовать, рассказывали о том, когда мы приехали, и как поживает дядя Сайльс, и сколько времени мы думаем прогостить у него, но никто из них не говорил нам ни слова про убийство. Это начинало казаться непонятным. Том сказал, что если бы мы пошли под сикоморы, то, наверное, оказалось бы, что убитый лежит там один-одинешенек и кругом нет ни души. Затем он высказал предположение, что те двое людей загнали убийц так далеко в глубину леса, что злодеи воспользовались случаем и убили своих преследователей, так что теперь некому и сообщить про убийство. Разговаривая таким образом, мы, сами того не замечая, очутились перед сикоморами. Я похолодел от ужаса и не мог сделать ни шагу далее, несмотря на все уговоры Тома. Но Том не мог удержаться; ему необходимо было видеть, надеты ли сапоги на убитом. Осторожно прополз он под деревья, но не прошло и минуты, как вернулся назад с вытаращенными от изумления глазами и прошептал:

– Гек, он исчез!

Я был ошеломлен.

– Не может быть, Том! – сказал я.

– Он исчез, это несомненно. Нигде нет ни малейших следов. Если здесь была кровь, ее смыло дождем и остались только лужи грязной воды.

Наконец и я решился осмотреть место преступления и полез под сикоморы; Том оказался прав – нигде нет никаких следов трупа.

– Да, он исчез, – сказал я, – и бриллианты тоже исчезли. Как ты полагаешь, Том, не вернулись ли те сюда, чтобы унести его?

– Похоже на это. Весьма возможно. Только где они его спрятали, как ты думаешь, Гек?

– Не знаю, – отвечал я с отвращением, – и не желаю знать. Во всяком случае, они заполучили сапоги; меня только это и интересует. Что же касается Джека, он может оставаться там, где его положили, я не стану его искать.

Напротив, Тому было интересно знать, куда девался труп Джека; но он сказал, что нам следует молчать и ждать и что в скором времени или собаки, или кто-нибудь из соседей найдут убитого.

Мы вернулись домой к завтраку очень расстроенные, огорченные и недовольные. Никогда еще я не был в таком печальном настроении.

Глава VIII

Завтрак прошел не особенно весело. Тетя Салли казалась старой, измученной и позволяла детям шалить за столом, не обращая на них внимания, чего с ней прежде не бывало; мне и Тому было не до разговоров, так как надо было о многом подумать. Бенни имела такой вид, как будто не спала всю ночь, и каждый раз, когда она поднимала голову, чтобы украдкой взглянуть на отца, в глазах ее стояли слезы; что же касается старого Сайльса, его тарелка оставалась нетронутой, а он все думал и думал, ничего не замечая и не обмениваясь с нами ни одним словом.

Когда молчание сделалось особенно тягостным, в дверь опять просунулась голова вчерашнего негра, и он сказал, что мастер Брэнс начинает сильно беспокоиться насчет мастера Юпитера, который еще не вернулся домой, и мастер Брэнс спрашивает, не будет ли мастер Сайльс так добр...

Говоря это, он смотрел на дядю Сайльса, но тут вдруг остановился, как будто слова застряли у него в горле, потому что дядя Сайльс поднялся с места, трясясь всем телом, и опершись одной рукой о стол, другой рукой стал хвататься за горло, задыхаясь, захлебываясь; наконец с трудом останавливаясь после каждого слова, он произнес:

– Разве он... он... думает... Скажите ему... скажите ему... – Тут он упал в кресло, ослабевший, измученный, и прошептал еле слышно: «уходите... уходите!..»

Негр, испуганный и растерянный, удалился, а мы все почувствовали, – не знаю, что именно мы почувствовали, но нам было ужасно тяжело смотреть на этого старика, который сидел в кресле, еле дыша и уставившись в пространство неподвижным взглядом. Никто из нас не решался его тревожить; только Бенни тихонько подошла к нему, нежно прижала к себе его старую, седую голову, и между тем как слезы струились по ее щекам, она стала гладить рукой его волосы, сделав нам знак, чтобы мы ушли, и мы вышли из комнаты так тихо, как будто там лежал покойник.

Грустные отправились мы с Томом бродить по лесу, невольно вспоминая, как весело жилось нам здесь прошлым летом, когда все были так счастливы и спокойны, соседи относились почтительно к дяде Сайльсу, и сам дядя Сайльс был такой веселый, простодушный добряк, – а теперь-то взгляните на него! Если он еще не совсем потерял рассудок, то этого недолго ждать. Таково было наше мнение.

День был чудесный, яркий, солнечный; чем дальше уходили мы, приближаясь к прерии, тем роскошнее казались деревья и цветы, так что казалось странным и неестественным, что в таком прекрасном мире могут существовать заботы и огорчения. Вдруг я увидел нечто, отчего у меня волосы поднялись дыбом на голове, а все внутри похолодело, и я схватил Тома за руку.

– Оно там! – прошептал я.

Мы спрятались в кусты, дрожа от страха, и Том сказал:

– Тише! не говори громко.

Оно, то есть привидение, задумчиво сидело на бревне, у лесной опушки. Я стал уговаривать Тома уйти, но он не согласился, а мне было страшно уйти одному. Том сказал, что едва ли нам удастся еще раз видеть так близко привидение и что он хочет насмотреться досыта, даже если бы ему пришлось умереть из-за этого. Я тоже смотрел на привидение, хотя мороз пробежал у меня по спине. Том шепотом делился со мной своими наблюдениями:

– Бедный Джек! – говорил он. – Оно переделось именно так, как хотел Джек. Теперь мы можем узнать, остались ли у него длинные волосы. Нет, они коротко острижены, точь-в-точь, как хотел Джек. Гек, я никогда не видал привидения более настоящего и более похожего на живое существо.

– Я тоже, – отвечал я. – Мне кажется, я тотчас же узнал бы его, если бы встретил на улице.

– И я узнал бы. Ну, право, оно кажется таким же крепким и здоровым, как был Джек там, на пароходе.

Мы продолжали смотреть. Вдруг Том сказал:

– Знаешь ли, Гек, меня смущает одно странное обстоятельство: ведь привидения не могут являться днем.

– Твоя правда, Том, – я никогда не слышал, чтобы были дневные привидения.

– Да, сэр, они являются только ночью и не ранее полуночи. Даю тебе слово, что это очень странное привидение. Оно не имеет никакого права расхаживать здесь среди бела дня. И какой у него натуральный вид! Джек говорил, что будет притворяться глухим и немым, чтобы соседи не узнали его по голосу. Как ты думаешь, что сделает это привидение, если мы окликнем его?

– Ради бога, Том, не говори таких ужасов! Если ты это сделаешь, я умру на месте.

– Не пугайся, я не буду кричать. Смотри-ка, Гек, оно почесывает себе голову, видишь?

– Вижу, – что же из этого?

– А вот что: с какой стати привидению почесывать себе голову? Его голова сделана из тумана и ничего не чувствует. Нельзя почесывать туман; всякий дурак это знает.

– Хорошо, если его голова ничего не чувствует, зачем же он ее скребет? Может быть, к нему перешла эта привычка от Джека. Как ты думаешь?

– Нет, сэр, я вовсе этого не думаю. И, сказать правду, мне сильно не нравятся манеры этого привидения. Кроме того, если оно, действительно... Гек!

– Ну, что там еще?

– Сквозь него нельзя видеть, оно не прозрачно!

– Совершенно верно, Том! Оно не более прозрачно, чем корова. Я начинаю думать...

– Гек, оно откусило кусок табака и начинает его жевать! Клянусь богом, это уж слишком странно! Они никогда не жуют – невозможно вообразить себе привидение, которое жует что-нибудь!.. Гек!

– Я слушаю.

– Это вовсе не привидение. Это Джек Дунлап своей собственной персоной!

– Ох, батюшки мои! – воскликнул я невольно.

– Гек Финн, нашли мы какой-нибудь труп под сикоморами?

– Нет.

– Или какой-нибудь признак, что там лежало тело убитого человека?

– Нет.

– Для этого была очень основательная причина – там никогда не было никакого трупа.

– Но, Том, ведь мы же слышали...

– Да, мы слышали крики. Разве это доказывает, что кто-нибудь был убит? Вовсе нет. Мы видели, как два человека гнались за двумя другими людьми, а потом этот малый вышел из-под сикомор, и мы приняли его за привидение. Он столько же похож на привидение, как ты. Это был Джек Дунлап своей собственной персоной, и он остается Джеком Дунлапом до сих пор. Он обстриг себе волосы, именно так, как говорил, и притворяется теперь немым и глухим, точь-в-точь как собирался это сделать тогда. Привидение! Он привидение? Ничего подобного!

Тут я понял все и догадался, что мы приняли за привидение живого человека. И я, и Том страшно обрадовались, что Джек не убит, только не могли решить, будет ли для него приятнее, чтобы мы его узнали или не узнали. Том сказал, что самое лучшее – подойти прямо к нему. Он тотчас же направился к Джеку, а я держался несколько позади, потому что могло оказаться, что это вовсе не Джек, а действительно привидение. Подойдя к Джеку, или его привидению, Том сказал:

– Мы с Геком очень рады видеть вас опять, и вы можете быть уверены, что мы ничего не разболтаем. Если же вы хотите, чтобы мы делали вид, будто вовсе не знаем вас, то скажите только слово и вы убедитесь, что на нас можно положиться; мы скорее позволим отрезать себе руки, чем подвергнем вас хоть малейшей опасности.

Сначала, при виде нас, он казался удивленным и не особенно довольным, но постепенно, пока Том говорил, лицо Джека прояснилось, а когда Том кончил, Джек улыбнулся, кивнул несколько раз головой, стал делать нам какие-то знаки руками и замычал, как мычат немые.

Тут мы увидели, что по дороге идут несколько рабочих с фермы Стива Никерсона, который жил по ту сторону прерии, и Том сказал:

– Вы замечательно играете свою роль; я никогда не видал подобного искусства. Вы правы: вам необходимо притворяться и перед нами, чтобы скорее приобрести навык и как-нибудь не проговориться. Мы будем держаться подальше и делать вид, что не знаем вас, но если вам понадобится наша помощь, дайте нам знать.

После этого мы пошли по дороге, навстречу работникам Никерсона, которые тотчас же стали расспрашивать нас, что за незнакомец разговаривал с нами, откуда он пришел, как его зовут, какой он религии и каковы его политические убеждения, короче говоря, задавали нам те вопросы, которые всегда задают люди при виде какого-нибудь нового лица. Но Том сказал, что этот человек глухонемой и что знаки, которые он делает руками, и его мычание совершенно непонятны. Мы остановились, чтобы посмотреть, как будут работники Никерсона объясняться с Джеком, потому что мы очень тревожились за него, и Том сказал, что пройдет много дней, прежде чем Джек научится не забывать, что он глухонемой. Убедившись после нескольких минут наблюдения, что Джек играет свою роль хорошо, мы пошли дальше и решили посетить школу, которая была в трех милях расстояния.

Я был сильно разочарован тем, что Джек не рассказал нам о том, что случилось с ним под сикоморами и каким образом он избавился от смерти; Том был разочарован не меньше моего, но говорил, что, если бы нам пришлось быть на месте Джека, мы, вероятно, действовали бы точно так же скрытно и осторожно.

Школьники и школьницы были очень рады видеть нас, и мы вволю наговорились с ними, так как в это время у них был перерыв между занятиями. Мальчики Гендерсона по дороге в школу видели глухонемого и рассказали об этом остальным, так что все школьники только и говорили об этом, и каждому ужасно хотелось посмотреть глухонемого, потому что никто из них не видал глухонемых.

Том сказал мне, что при таких условиях очень тяжело молчать; он говорил, что мы сделались бы героями, если бы могли рассказать все, что знали; но в конце концов молчание – еще более героический поступок; из целого миллиона мальчиков едва ли найдутся двое способных на это. Так думал Том Сойер насчет этого предмета, и я полагаю, что он был прав.

Глава IX

Через несколько дней глухонемой сделался необыкновенно популярен. Он расхаживал от одной фермы к другой, и все соседи очень гордились

знакомством с такой интересной личностью. Они приглашали его то к завтраку, то к обеду, то к ужину; они кормили его до отвала и никогда не уставали таращить на него глаза, удивляться ему, расспрашивать о нем всякие подробности, – до такой степени казался он им необыкновенным и таинственным. Его мимические жесты были всем непонятны, и, вероятно, он сам не понимал их, но продолжал добросовестно играть свою роль, и все окрестное население с удовольствием смотрело на него, слушало, как он издавал отрывистые звуки, похожие на мычание. Он носил повсюду грифельную доску и грифель; ему писали на доске вопросы, а он писал ответы, но его каракули мог разобрать только один Брэс Дунлап. Брэс говорил, что и он не совсем ясно разбирает написанное, но почти всегда угадывал смысл. Таким образом, через Брэса мы узнали, что глухонемой был родом с далекой стороны, что прежде он был богат, но разорился из-за мошенничества людей, которым доверял, и теперь не имеет никаких средств к существованию.

Все хвалили Брэса Дунлапа за то, что он приютил бедного глухонемого. Он позволил ему жить в маленькой бревенчатой хижине, куда присылал ему с неграми все необходимое. Глухонемой бывал нередко и у нас в доме, потому что дядя Сайльс так упал духом в это время и был так печален, что всякое другое существо, пораженное душевным или телесным недугом, возбуждало его сострадание. Я и Том не подавали и виду, что знаем глухонемого; он тоже скрывал это. При нем говорили обо всех домашних делах, вполне уверенные в его глухоте, и мы с Томом думали, что нет никакой беды в том, если он будет знать, что говорится в семье дяди Сайльса.

Прошло несколько дней, и все начали тревожиться насчет Юпитера Дунлапа. Все спрашивали друг у друга, как объяснить его исчезновение. Никто не мог объяснить; все покачивали головами и говорили, что в этом было что-то странное. Еще и еще прошел день, и стала распространяться молва, что Юпитер убит. Вот когда началось волнение! Все языки только и болтали об этом. В субботу два человека отправились в лес, надеясь найти где-нибудь останки убитого. Мы с Томом также заразились всеобщим возбуждением. Том был так взволнован, что не мог ни есть, ни спать. Это было славное, веселое время. Том говорил, что если бы нам удалось найти труп, то мы прославились бы гораздо больше, чем даже если бы мы утонули. Всеобщее возбуждение скоро утихло, и все успокоилось, но не так было с Томом Сойером; спокойствие было не в его стиле. В субботу он всю ночь не смыкал глаз, пытаясь изобрести какой-нибудь план, и к рассвету план был готов. Страшно возбужденный, он стащил меня с постели и сказал:

– Скорее одевайся, Гек, я придумал! Ищейка!

Через две минуты мы уже шли в темноте по берегу реки, направляясь к деревне. У старого Джеффа Гукера была ищейка, и Том хотел попросить у него собаку. Я и говорю Тому:

– Том, следов теперь уже не найти, и, кроме того, ведь ты не знаешь, что их смыло дождем.

– Это все равно, Гек. Если только тело скрыто где-нибудь в лесу, ищейка найдет его. Если он убит и зарыт в землю, его могли зарыть очень глубоко, и как собака подойдет к этому месту, она сейчас же почует его. Гек, мы прославимся, это так же верно, как то, что ты родился на свет!

Он увлекался, и его увлечение росло с каждой минутой. Так всегда бывало с Томом. Он уже высчитал по секундам, когда именно найдет труп, и не только труп, – он выследит убийцу и поймают его; мало того, – он не отстанет от убийцы до тех пор, пока...

– Отлично! – прервал я его. – Но сперва найди труп; я полагаю, что и этого будет довольно на сегодня, потому что, насколько нам известно, никакого трупа не существует и никто не был убит. Этот малый просто мог уйти куда-нибудь и совсем не быть убитым.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/mark-tven/sysknye-podvigi-toma-soyera-tom-soyer-za-granicey-sbornik>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)